

Статьи

«ВЕЛИКАЯ И ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ГЕОГРАФИИ»: ОБ ИСТОЧНИКАХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИДЕЙ Н. В. ГОГОЛЯ

Инга Видугирите

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Тема *Гоголь и география* в предлагаемом внимании исследовании разрабатывается на основе анализа статьи писателя «Мысли о географии», впервые напечатанной в 1831 г. в *Литературной газете*, а потом включенной в сборник *Арабески* (1835). Анализ строится на сравнении географических идей Гоголя с идеями современной ему географии, которые могли оказаться в кругозоре писателя. Идеологическое поле землеведения начала XIX в. в статье воспроизводится на основе современных исследований, концептуально осмысляющих историю становления современной географической науки. Более конкретному анализу в статье подвергаются публикации на русском языке основателей современной географии, Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера, которые могли быть известны Гоголю.

Юрий Манн представил увлечение Гоголя географией как продолжение его исторических интересов и в связи с уроками, которые писатель давал в частных домах¹. Универсальность знаний,

к которой стремился Гоголь, совмещая такие дисциплины, как естественная история, география и всеобщая история, исследователь объяснил «умонастройством» писателя, вытекавшим из «господствующего духа времени»: «Познать мир – значит ощутить его цельность и универсальность»². Согласно Манну, стремление к наглядности в преподавании привело Гоголя к мысли связать географию с историей и разделить идею Монтескье о географической среде как факторе, определяющем судьбу народа»³. Особенно выделенной в концепции Манна явилась тема «подземной географии», где «подземное сродни ночному, скрытому, таинственному, подсознательному»⁴, «которые, однако, Гоголь уже ощущает как самостоятельную и могущественную сферу бытия»⁵. Таким образом, совершенно убедительно, в концепции Манна географические идеи Гоголя получили объяснение в эстетике романтизма и в

¹ Ю. Манн, *Гоголь: Труды и дни: 1809–1845*, Москва: Аспект Пресс, 2004, с. 207–210.

² Там же, с. 208.

³ Там же, с. 208–209.

⁴ Там же, с. 210.

⁵ Там же.

поэтике писавшихся одновременно *Вечеров на хуторе близ Диканьки*.

Цель данного исследования – соотнести гоголевское увлечение географией с контекстом самой географической науки начала XIX в. Такой подход поможет определить степень осведомленности Гоголя в современной ему географии, с одной стороны, и позволит установить источники его основных идей о географическом познании мира, с другой. В перспективе, знакомство Гоголя с современной ему географией, наукой об «организации земных пространств»⁶, должно уточнить и расширить подход к своеобразию художественного воображения писателя и к пространственной проблематике его творчества в целом.

Развитие исторического сознания европейцев конца XVIII – начала XIX вв. шло рука об руку с не менее важным открытием связей человека с землей, на которой он обитает⁷. Наука географии стала той областью, где это открытие получило свое продолжение и развитие. Именно на эпоху романтизма приходится истинный расцвет географии, обретение ею собственного содержания и выработка новых методов исследования. Связь географии, как и других наук, с философией и литературой романтизма наложила свой отпечаток на целую плеяду естествоиспытателей. Последние исследования в области истории научной

мысли до Чарльза Дарвина раскрыли поразительную связь науки с искусством, нераздельность их поисков и общность религиозного пафоса. Например, ботаник Джозеф Бэнкс, участник первого путешествия капитана Кука, высаживаясь на берег Таити, искренне надеялся найти там Рай. Вильям Гершель, астроном, открывший планету Уран, спутники Урана и Сатурна, объяснивший явление Млечного Пути, раскрывший свойства инфракрасных лучей, начинал карьеру как музыкант и сравнивал свои астрономические способности с исполнением фуг Генделя. Прославившийся самоубийственными экспериментами химик Хамфри Деви писал стихи, был близким другом Кольриджа⁸. Один из основателей современной географии, Карл Риттер, представлял землю как творенье Божье, выражение божественного откровения⁹, и верил, что Бог наделил природу целью научить человечество, по какому пути развивать культуру и историю¹⁰. Александр Гумбольдт, работы которого навели Риттера на идею сравнительного землеведения, был ведом страстной идеей постичь невидимые связи всего физического мира, что вдохновляло его как на опаснейшие путешествия по диким местам Центральной Америки, в глубь пещер и вулканов, так

⁶ Д. Н. Замятин, «Сознание Земли», *Известия РАН*, сер. географическая, № 1, 1995, с. 140.

⁷ См.: Chenxi Tang, *The Geographic Imagination of Modernity: Geography, Literature, and Philosophy in German Romanticism*, Stanford: Stanford University Press, 2008, p. 1.

⁸ См. об этом: Richard Holmes, *The Age of Wonder: How the Romantic Generation Discovered the Beauty and Terror of Science*, New York: Pantheon Books, 2008.

⁹ См.: Н. Г. Сухова, *Карл Риттер и географическая наука в России*, Ленинград: Наука, 1990, с. 67.

¹⁰ См.: Arild Holt-Jensen, *Geography: History and Concepts, A Students' Guide*, 3 ed., London; Thousand Oaks, California: SAGE Publications, 2003, p. 27.

и на отчаянные испытания собственного тела¹¹.

Значение Гумбольдта и Риттера в области географии сравнивают со значением Ньютона в физике¹². В их трудах, появившихся в непосредственной связи с философскими и эстетическими идеями романтизма, география оформила себя в качестве науки, которая отказалась от господствовавшего статистико-классификационного описания Земли и занялась изучением *земного пространства* (термин Риттера) в его многосложном единстве природы и человека, а, в конечном счете, изучением человека в его отношении к природе¹³. Идея зависимости человека от окружающей среды была не новой: она была введена в литературно-философский оборот Монтескье. Однако в начале XIX в., под мощным воздействием натурфилософии Фр. Шеллинга, эта идея преобразилась. Природа стала пониматься как *взаимодействие* двух комплексных систем – земли и людей, понимаемых в натурфилософском единстве всего сущего. Как утверждал Риттер, «земля и ее жители находятся в обоюдной зависимости, не могут быть представлены во всех своих связях друг без друга. Поэтому история и география должны всегда оставаться нераздельными. Земля воздействует на жителей и жители – на землю»¹⁴. При таком подходе, человек

стал обосновывать свою идентичность как восходящую к определенному месту, как результат локальности, что не мешало ему, с другой стороны, осознавать эту зависимость, интерпретировать ее и, в конечном счете, воздействовать на нее. Будучи не только *частью, но и вершиной природы* человек стал чувствовать собственное превосходство над нею¹⁵.

В литературе идея единства человека с природой наиболее ярко отразилась в жанре пейзажа, разработанного И. В. Гете и ранними романтиками. А близкий к Гете и Шеллингу Гумбольдт применил эту идею в области географии. Если Риттер руководствовался религиозным осмыслением единства природы, то Гумбольдту, последнему из великих *homo universalis*, пытавшемуся сочетать все современное знание в комплексном освоении материального мира¹⁶, было свойственно эстетизированное восприятие природы. В географических сочинениях он ориентировался на поэтику и эстетику пейзажа, что, по мнению Ченгси Танг, имело решающее значение в оформлении новой науки. Переживающий природу субъект поэтического пейзажа в географических трудах начала XIX в. трансформировался в географический субъект, на личном опыте которого строилось географическое знание о мире¹⁷.

В предисловии к *Картинам природы* (эта книга могла быть известна Гоголю) Гумбольдт писал о преследуемой

¹¹ См. основанный на документах роман Даниэля Кельмана *Измерение мира (Die Vermessung der Welt Die Vermessung der Welt)*, лит. перевод: Daniel Kehlmann, *Pasaulio matavimas*, vertė A. Tekorius, Vilnius: Alma Littera, 2007.

¹² См.: Chenxi Tang 2008, p. 25.

¹³ См.: Там же, p. 8.

¹⁴ Цит. по: Holt-Jensen 2003, p. 27.

¹⁵ См.: Chenxi Tang 2008, p. 9.

¹⁶ См.: Holt-Jensen 2003, p. 25.

¹⁷ См.: Chenxi Tang 2008, p. 9.

им двойной – научно-эстетической – цели: с одной стороны, «бросить общий взгляд на всю природу, доказать общее действие сил, ее оживляющих», с другой – «возобновить наслаждение, получаемое чувствительным человеком при непосредственном воззрении на тропические страны»¹⁸. Известно его утверждение из письма к Гете о том, что природе должно чувствовать. Тот, который ее исчисляет и измеряет, также может думать, что описывает природу, но природа останется в стороне от него¹⁹. В книге *О физиогномике растений* (русский перевод 1823 г.) лейтмотивом проходит сожаление о невозможности словами выразить разнообразие и красоту «сей стареющей нашей планеты»²⁰ и мысль о том, что «только одному художнику предоставлено распределить группы, и одна только его творческая рука, подобно писанным сочинениям человеческого, может оживить в небольшом числе простых изображений, великое и очаровательное творение природы»²¹. Ссылаясь на опыт художника, который судит о ландшафте в его общем виде, Гумбольдт обосновал свой метод физиогномики растений в их распределении на шесть групп: «Живописец (и именно один такой, который одарен тонким чувствованием красоты природы), отличается в середине, и задней части ланд-

шафта сосновые или пальмовые рощи от буков, а не сии последние от других листьями одетых дерев»²². Данный принцип общего («тотального») впечатления наиболее полно отразил связь географической мысли Гумбольдта с эстетикой. Понятия «тотального впечатления», «тотального вида», «тотального эффекта», «тотального чувства», которые выразили основной принцип мышления Гумбольдта о природе²³, были заимствованы им из эстетического эссе о пейзажной живописи Карла Людвиг Фернова²⁴. Именно эстетика пейзажа предложила географии методы анализа организованного пространства, которые можно было применить и в отношении больших пространственных единиц. Географы сохранили за этими единицами название *ландшафта* или *пейзажа*, которые до сих пор сохраняют позиции основного объекта географии²⁵. Таким образом, формируясь в непосредственном контакте с романтической эстетикой и философией, под сильным влиянием поэзии и искусства, география начала XIX в. преобразилась в область универсального знания о земном пространстве в его многостороннем отношении к человеку.

В России новые идеи немецкой географии получили распространение во втором десятилетии XIX в. В 1818 г.

¹⁸ А. Гумбольдт, *Картины природы с научными объяснениями*, Москва 1862, с. VII. Дата издания в данном случае не так важна, так как цитата раскрывает подход, характерный для сочинений Гумбольдта в целом.

¹⁹ См.: Chenxi Tang 2008, p. 83.

²⁰ А. Гумбольдт, *О физиогномике растений*, С.-Петербург, 1823, с. 25.

²¹ Там же, с. 38.

²² Там же, с. 23.

²³ См.: Chenxi Tang 2008, p. 84.

²⁴ См.: Oskar Bätschmann, “Carl Gustav Carus (1789–1869): Physician, Naturalist, Painter, and Theoretician of Landscape Painting”, Carl Gustav Carus, *Nine Letters on Landscape Painting*, Los Angeles: Getty Research Institute, 2002, p. 22.

²⁵ См.: Chenxi Tang 2008, p. 9–14, 83–84.

Гумбольдт был избран почетным членом Петербургской Академии Наук. Тогда же в *Соревнователе просвещения* был напечатан текст его лекции о водопадах Ориноко²⁶, а в 1823 г. появился перевод книги *О физиогномике растений*, во вступительных частях которой обосновывались принципы географического познания мира. Идеи Риттера были известны с 1825 г., благодаря *Библиографическим листам* П. И. Кеппена и *Московскому телеграфу* Н. А. Полевого²⁷. В 1828 г. М. П. Погодин перевел и издал *Карты с объяснением Карла Риттера*. До этого он помещал отдельные главы книги в *Сыне отечества*, *Московском вестнике* и *Вестнике Европы*²⁸. В 1829 г. в Россию с целью совершить путешествие по Азии приехал Гумбольдт. Визит всемирно известного географа вызвал большое оживление в печати. В Академии Наук в его честь устроили торжественное собрание²⁹. *Московский телеграф* напечатал две его публикации – главу «О степях» из *Картин природы* и аллегорический рассказ «Жизненная сила или гений Родосский»³⁰.

В статье Гоголя Гумбольдт представлен как глава школы исследователей, которые принесли «так много сведений в

область науки» и истолковали «дивные иероглифы, коими покрыт мир наш»³¹. Риттер указан в качестве автора барельефного изображения Европы, который писатель рекомендовал как наглядное пособие, призванное заменить неинтересный для юного возраста учебник (см.: 101). К печатным источникам знакомства Гоголя с новейшей географией следует отнести возможность получать сведения от людей, которые интересовались географией и читали научную литературу на немецком языке. Например, одним из таких людей мог быть Погодин, большой почитатель и переводчик Риттера, с которым Гоголь в 1833 г. делился географическим замыслом книги *Земля и Люди*³². Однако «Мысли о географии» писались раньше. В данной связи, хотелось бы обратить внимание на В. А. Жуковского, который преподавал географию наследнику престола и был лично знаком с Гумбольдтом еще до приезда последнего в Россию. В библиотеке поэта найдено *Землеведение* Риттера, 1822 года издания, которое включало в себя общее описание земной поверхности и географическую характеристику Африки³³. У Жуковского также был ряд сочинений Гумбольдта, среди которых есть книги с дарственными надписями от автора³⁴. К последним относятся *Картины природы* на немецком языке, издан-

²⁶ Александр Гумбольдт, «О водопадах реки Ориноко», *Соревнователь просвещения*, 1818, ч. 3, с. 180–203, 288–309.

²⁷ См.: Сухова 1990, с. 79–81.

²⁸ См.: Там же, с. 193.

²⁹ См.: В. А. Есаков, *Александр Гумбольдт в России*, Москва: Изд-во АН СССР, 1960, с. 95.

³⁰ Александр Гумбольдт, «О степях», *Московский телеграф* 18, 1829, с. 151–180; *Ibidem*, «Жизненная сила или гений Родосский», *Московский телеграф* 24, 1829, с. 423–431.

³¹ Н. В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в 14 т.*, Москва: Изд-во АН СССР, 1937–1952, т. 8, с. 98. В дальнейшем ссылки на этот том даются в скобках после цитаты.

³² См.: Там же, т. 10, с. 262.

³³ См.: Сухова 1990, с. 13.

³⁴ См.: *Библиотека В. А. Жуковского (описание)*, сост. В. В. Лобанов, Томск: Изд-во Томского университета, 1981.

ные в 1826 г., и текст французской речи Гумбольдта на чрезвычайном собрании Академии наук в 1829 году³⁵. В «Проекте плана учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича», составленном Жуковским для представления Николаю Павловичу в 1827 г., говорится о необходимости «гравировать или литографировать карты и таблицы», а также мотивируется выделение ежегодной суммы на «покупку вновь выходящих книг, иностранных и русских, также и журналов»: «Мы имеем теперь все для нас нужное; но мы должны не отставать от Европы в ее литературе. Все новое, лучшее, должно входить в состав нашей библиотеки»³⁶. Труды Риттера и Гумбольдта как раз и представляли то самое «новое, лучшее», что было в европейской науке того времени. Чтение Жуковским *Картин природы* Гумбольдта отразилось в его небольшой заметке 1829 г. «Климат физический и нравственный», в которой географическое описание стало поучительной аллегорией о влиянии души государя на нравственную жизнь народа. Среди примеров из жизни природы здесь есть один, отсылающий к Южной Америке: «Степи Южной Америки были бы также безлюдны: но там расцветает гостеприимная пальма; целый народ теснится вокруг нее, она дает ему жилище, одежду, прохладу, пищу

³⁵ *Discours prononcé par M. Alexandre de Humboldt à la séance extraordinaire de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg tenue le 16/28 Novembre 1829.*

³⁶ В. А. Жуковский, *Полное собрание сочинений в 12 т.*, под ред. А. С. Архангельского, С.-Петербург, 1902, т. 10, с. 11.

и питье»³⁷. Ср. у Гумбольдта о той же пальме в русском переводе главы «О степях» в *Московском телеграфе*: «Мы видим существование целого народа, зависящее от одного дерева»³⁸. Интенсивное общение Гоголя и Жуковского в начале 1830-х гг. могло касаться и географических предметов.

Статья Гоголя «Мысли о географии» создавалась по горячим следам чтения и обсуждения *Карт Европы Карла Риттера*, визита Гумбольдта, его публикаций в *Московском телеграфе* и, можно предположить, в результате бесед о новых идеях в среде людей, интересующихся немецкой мыслью. В статье было намечено синтетическое освоение идей обоих географов, и отражены все основные аспекты новой географии. В последовательности, которую Гоголь предлагал для изучения географии, отразился порядок, в котором были распределены карты в русском переводе сочинения Риттера³⁹. Этот порядок не соответствовал оригинальному распределению материала в немецких изданиях 1806 и 1820 гг. Однако, по мнению Полевого, поместившего рецензию на перевод Погодина в *Московском телеграфе*, «в Русском переводе размещение гораздо лучше. Рельеф Европы ведет к горам, распределение прозябений на горах к суждению о земной атмосфере и растительности. Здесь переход к животным,

³⁷ См.: Там же, с. 24.

³⁸ Гумбольдт 1829, «О степях», с. 169.

³⁹ Карл Риттер, *Карты, представляющие Главные хребты гор в Европе, их связь и мысы <...> с объяснением*, Москва: Университетская Типография, 1828.

и наконец к человеку»⁴⁰. Очевидно, писатель был знаком с отзывом Полевого, для которого, как впоследствии и для Гоголя, наиболее важной казалась мысль Риттера начинать изучение географии с «общего обозрения земного шара и частей света»⁴¹.

Статья Гоголя начинается с противопоставления старого и нового методов преподавания географии, следовательно – с противопоставления старой и новой науки. Новое понимание землеведения отразили яркие определения южного и северного климата, подбор контрастных явлений Земли. Горы, роскошный вид плодородного края, раскаленные пустыни, степи, остров «посреди безграничного моря», люди, искусство и «предел всего живущего» – все это входит в «великую и поразительную область географии». Старая, но не изжитая метода преподавания географии сводится к тому, что вместо завораживающих картин природы многие учителя показывают воспитанникам «какой-то безжизненный, сухой скелет, холодно говоря: «Вот земля, на которой мы живем, вот тот прекрасный мир, подаренный нам непостижимым его зодчим!»⁴² (98), а потом даже этот скелет «совершенно скрывают от них и дают им вместо того грызть политическое тело, превышающее мир их понятий и несвязное даже для ума, обладающего высшими иде-

ями» (98). Несоответствие между географией и ее преподаванием тем более разительно, что нет предмета, сильнее «говорящего юному воображению», «возвышающего поэзию младенческой души» (98). Завершая статью, Гоголь возвращается к той же мысли и уже не ограничивает возможности воздействия географии на воображение исключительно юным возрастом:

Да, впрочем, что неинтересно в географии? Она такое глубокое море, так раздвигает наши самые действия и, несмотря на то что показывает границы каждой земли, так скрывает свои собственные, что даже для взрослого представляет философски-увлекательный предмет (106).

Оригинальность гоголевского подхода к преподаванию географии раскрывает сравнение его «Мыслей» с высказываниями Полевого, который особо акцентировал отсутствие системности и концептуальности в школьном обучении географии⁴³. В то время как Гоголь постоянно возвращается к *занимательному* и *эстетическому* моментам в преподавании. Для того, чтобы развить слог учителя, который должен быть «увлекающий, живописный», писатель советует обращаться к описаниям путешественников, «которых множество и из которых, кажется, доньше в этом отношении мало умели извлекать пользы» (105). Авторитетом для Гоголя в данном случае служил Гумбольдт, путешественник и писатель, который утверждал, что пейзажи в творчестве поэтов и путешественников имеют не только эстетическое значение, но и дают возмож-

⁴⁰ Н. А. Полевой, «Карты <...> с объяснением Карла Риттера», *Московский Телеграф* 18, ч. 23, 1828, с. 222. Здесь сохранена пунктуация подлинника.

⁴¹ Там же, с. 220.

⁴² Фраза, восходящая к аллегорическому толкованию земной поверхности Риттера.

⁴³ См.: Сухова 1990, с. 118–119.

ность составить более верное представление о природе и ее влиянии на быт, нравы, образование и психологический облик народа. Более того, знание природы помогают понять историческое развитие культуры: «Поэтические творения Греков и сумрачные песнопения первобытных народов Севера всеко-нечно обязаны своим отличительным характером виду растений и животных, горным долинам окружавшим поэтов и воздуху которым они дышали»⁴⁴. Риттер перенял эту идею Гумбольдта, в свою очередь опиравшегося на Монтескье, и развил до теории исторической географии, полагавшей зависимость человека и народов от обитаемой ими земли, а также – на обратное воздействие человека. Гоголь проиллюстрировал эту идею в статье «О движении народов в конце V века». Здесь Средняя Азия противопоставлена европейским берегам Средиземного моря,

где цветущее разнообразие природы, почвы, произведений, смесь земли и моря, куча бесчисленных островов, мысов, заливов, казалось, были созданы нарочно для того, чтобы быстро развить деятельность и ум человека. Природа Средней Азии совершенно другого рода: она однообразна и неизмерима. Степи ее безбрежные, как-то огромно ровны, как будто похожи на пустынный океан, нигде не останавливаемый островом. Неподвижные озера беспредельных равнин не могли возбудить никакой деятельности. Казалось, сама природа определила эту землю народам пастушеским [...]. Неизмеримость равнин не могла внушить человеку никакой идеи о постоянном жилище, которая обыкновенно возрожда-

ется при виде утесистой горы, берега, моря, острова [...]. Где же природа усыплена и недвижима, там и человек беспечен (115–116)⁴⁵.

Рассуждения Гоголя в данном фрагменте развиваются в русле *Землеведения* Риттера, с которым писателя сближает и сам предмет – география Азии. Однако некоторые аспекты этой проблематики у Гоголя непосредственно восходят к Гумбольдту. С ним должно связывать появление идеи о карте *просвещения*. Интересно, что она сформулирована с опорой на *Карты с объяснениями* Риттера, наглядно представлявшего земную поверхность в разных ее аспектах – пластическом, растительном, животном, национальном. А Гоголь предлагает составить карту «расселения просвещения по земному шару»:

Места, где просвещение достигло высочайшей степени, означать светом и бросать легкие тени, где оно ниже. Тени сии становятся чем далее, тем крепче и, наконец, превращаются в мрак, по мере того, как природа дичает и человек оканчивается бездушным эскимосом (103).

Взгляд на природный ландшафт в духе пейзажной живописи настроения, который был близок Гумбольдту⁴⁶, повлиял на Гоголя в определении причины существования разных эмоциональных типов внутри германской общности: «например, тевтонское племя среди своей Германии означено твердостью

⁴⁴ См.: Гумбольдт 1823, с. 19–20. Здесь сохранена пунктуация подлинника.

⁴⁵ Ср. с концепцией метафизики ландшафта Ф. А. Степуна, о которой см.: Wasilij Szczukin, «Метафизика ландшафта и цивилизация равнины (Федор Степун)», *Studia Litteraria, Universitatis Iagellonicae Cracoviensis* 3, 2008, s. 145–162.

⁴⁶ См.: Гумбольдт 1823, с. 20.

флегматического характера», а «перейдя Альпы, напротив, принимает всю игривость характера легкого» (103)⁴⁷.

О неоднозначности подхода писателя к вопросу о зависимости человека от природной среды свидетельствует его неординарное предположение в статье «Взгляд на составление Малороссии», где, в частности, дана следующая историко-географическая картина:

Народ, как бы понимая сам свою ничтожность, оставлял те места, где разнородная природа становится изобретательницей; где она раскинула степи прекрасные, вольные, с бесчисленным множеством трав почти гигантского роста, часто неожиданно среди них опрокинула косогор, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину, всю в цветах, и по всем вьющимся лентам рек разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днепр с ненасытными порогами, с величественными гористыми берегами и неизмеримыми лугами – и все это согрела умеренным дыханием юга. Он оставлял эти места и столплялся в той части России, где местоположение, однообразно гладкое и ровное, везде почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывала не жизнь живую, но какое-то прозябание, поражающее душу мыслящего. Как будто бы этим подтвердилось правило, что только народ сильный жизнью и характером ищет мощных местоположений или что только смелые и поразительные местоположения образуют смелый, страстный, характерный народ (42).

Речь идет не только о влиянии природы на человека, но и о другой стороне связи – рефлексии человека над природным окружением, его воле выбирать

одни или другие местности, о своеобразном эстетическом чувстве соразмерности в отношениях между данностью природы и историей людей. И все же наиболее полно идея о человеке-субъекте в отношении природы здесь проявилась в самом процессе описания степи, в создании словесного малороссийского пейзажа. Гоголь дал общую картину всего края, указал на климатические условия, но в воспроизведении общего впечатления обратился к «очаровательным видам» – пейзажам, составляющим целое ландшафта. В данном случае он был верным последователем Гумбольдта.

В основных методологических установках Гоголь держался воззрений Риттера, выработавшего системный подход к изучению земной поверхности. Основой этого подхода служило убеждение, что существует «тайна систематического... устройства планеты»⁴⁸: *«Только опираясь на идею земного организма, или системы целого Земли, можно представить появление и развитие ее составных частей»*⁴⁹. Идея целого Земли – исходная в размышлениях Гоголя о преподавании географии. В процессе обучения воспитанник сначала «должен узнать один только великий очерк всего мира» (99), «Ничего в подробности; но только одни резкие черты» (99); «Множество мелких подробностей, множество отдельных государств может только в голове их уничтожится одно другим. Гораздо лучше дать им прежде сильную, резкую идею о виде земли» (100); «Гораздо лучше проходить в начале ра-

⁴⁷ Здесь содержится отсылка к: Гумбольдт 1823, с. 18–20.

⁴⁸ См.: Сухова 1990, с. 38.

⁴⁹ См.: Там же, с. 38–39.

зом весь мир, глядеть разом на все части света» (100); «При изображении каждого города непременно должно означить резко его местоположение» (104) и т. п. Тем не менее, желательный результат преподавания сформулирован с оглядкой на эстетический подход Гумбольдта:

Короче, нужно стараться познакомить сколько можно более с миром, со всем бесчисленным разнообразием его, но чтобы это никак не обременило памяти, а представлялось бы *светло нарисованною картиною* (106, выделено мною – *И.В.*).

В данной связи интересно проследить, в каком направлении Гоголь совершенствовал «Мысли о географии» для включения статьи в *Арабески*. Сравнение первой и второй редакций показывает, что дальнейшие размышления писателя над вопросами преподавания географии были сосредоточены на возможностях и значении *географического воображения*. Развитие получило требование «тотальности» – как общего вида Земли, так и впечатления, производимого этим видом. В первой публикации отсутствовали такие выражения, как «великий очерк мира», «обширность и колоссальность географического мира», «разом весь мир», «в общей массе», и требования, вроде: «Ничего в подробности; но только одни резкие черты», «дать им прежде сильную, резкую идею о виде земли», «разом глядеть на весь мир, глядеть разом на все части света».

В окончательном варианте статьи появился новый параграф о работе учащихся с географической картой. На первый взгляд, Гоголь опирался на предис-

ловие переводчика Погодина к *Картам* Риттера. Погодин писал:

представляя глазам ученика, и следовательно удобнее запечатлевая в его памяти, предметы, они приучают его вместе к соображению, сравнению, облегчают взгляд на целое, и таким образом изощряют умственные способности⁵⁰.

Гоголь пользу географической карты видит не в том, чтобы «изошрять умственные способности», как это представляется Погодину, а в том, чтобы *развивать воображение* учащихся. Поэтому он со всей радикальностью отказывается от учебника, который «будет сжимать его и умерщвлять воображение», и требует, чтобы

перед ним (воспитанником – *И.В.*) должна быть одна только карта. [...] Чтобы воспитанник <...> глядел на место в своей карте, и чтобы эта маленькая точка как бы раздвигалась перед ним и вместила бы в себе все те картины, которые он видит в речах преподавателя. [...] они останутся в памяти его вечно: и, взглянув на скелетный очерк земли, он его вмиг наполнит красками (100).

Гоголь здесь коснулся сути новой географии: только совмещение реального опыта пейзажа с определенными структурами воображения давало оформленное знание о земном пространстве. Пожалуй, не столько рефлексия, сколько гениальная интуиция Гоголя, развитость пространственного мышления позволяли ему делать заключения, к которым история науки приходит только в наши дни⁵¹.

⁵⁰ М. Погодин, «От переводчика», Риттер 1828, с. I.

⁵¹ На этой идее построено исследование Ченгси Танг, см.: Chenxi Tang 2008.

В первой редакции статьи отсутствовал и весь параграф о «подземной географии», а также детальное описание свойств и цвета камней, металлов и руд, составляющих горные массивы. Гоголь представил эти сведения в зрелищной, художественно обработанной картине подземного мира, обладающего собственной «потрясающей» историей:

Здесь встречаются целые массы. Тут на всем отпечаток величественных потрясений земли; душа сильнее чувствует великие дела творца. Тут лежат погребенными целые цепи подземных лесов. Тут лежит в глубоком уединении раковина и уже превращается в мрамор. Тут дышат вечные огни, и от взрыва их изменяется поверхность земли (102).

Этот геологический пассаж представляет апофеоз географического воображения писателя. Трудно найти источники, которыми Гоголь мог здесь пользоваться. Минералогия была одним из трех предметов, по которым у Гоголя в годичной ведомости была выставлена высшая оценка «4»⁵². Тем не менее, в первой редакции статьи она обойдена. В 1830 г. вышел первый сборник *Трудов Научного Минералогического общества в Санктпетербурге*⁵³, ряд статей которого, несомненно, должен был привлечь внимание Гоголя, если только он этот сборник видел. К таким статьям можно отнести, например, «Извержение Везувия, в 1794 году» (Из Геогностического наблюдения Буха, извлечено

Членом А. Дейхманом), где рассказано о втором по силе извержении знаменитого вулкана, о гибели близ расположенных городов и об отчаянном положении людей, там находившихся. Стиль статьи отвечал характеру происшествия и был проникнут трагическим пафосом: «Но вулкан не внимал их стенаниям: беспрерывно вскрывались новые жерла, и с равным треском и силою исторгалась лава из оных»⁵⁴. В статье «О времени происхождения Алеутских островов» была дана достаточно впечатляющая картина земных недр:

окаменелые леса из роду пальм и древообразных папоротников, находимые в таких местах, где по естественности своей ныне не могли бы уже деревья сии прозябать, при чем и подлинники их по большей части еще не открыты; окаменелости плодов, семян, черепкожных, рыб, пресмыкающихся, и тому подобного – все доказывает весьма ясно, что орудное создание, принадлежавшее древнему миру, подвержено было чрезвычайному истреблению⁵⁵.

Если предполагать, что Гоголь читал *Труды Научного Минералогического общества*, то сопоставление данной цитаты с параграфом о «подземной географии» может служить иллюстрацией эстетической обработки научного материала. Каждое предложение Гоголя – разработанный художественный образ – подземные леса, мраморная раковина, вечные огни. Искусство и наука взаимодействуют: наука пленяет воображение, а чувство красоты и меры упорядочивает насыщенный деталями научный материал.

⁵² См.: Манн 2004, с. 144.

⁵³ *Труды Научного Минералогического общества, его Императорского Величества соизволением учрежденного в С. Петербурге*, Санктпетербург: Типография Н. Греча, 1830.

⁵⁴ Там же, с. 366.

⁵⁵ Там же, с. 375.

Обращение Гоголя к геологическому или геогностическому, как говорили в начале XIX в., пейзажу находило параллель в эстетическом трактате Карла Густава Каруса *Девять писем о пейзажной живописи, написанных в 1815 – 1824 годах, с Письмом от Гете вместо Введения*⁵⁶. В биографии Гоголя Карус фигурирует как врач, рекомендованный писателю в Веймаре в 1845 г.⁵⁷ Однако Карус известен не только как врач и анатом. Он учился живописи у Каспара Давида Фридриха, как художник представлял поздний немецкий романтизм или немецкий бидермайер⁵⁸. Гете ценил, в первую очередь, медицинские и анатомические способности Каруса, но поддержал его замысел *Писем о пейзажной живописи*. С другой стороны, Карус был близким знакомым и почитателем Гумбольдта и активным участником Минералогического общества. Таким образом, он был одним из тех людей, которые в первой половине XIX в. еще пытались восстановить утраченную связь между искусством и наукой⁵⁹. Его *Письма о пейзажной живописи*, по признанию автора, появились под воздействием философии Шеллинга, в результате размышлений над его понятием «мировой души»⁶⁰. Идея, которую предложил Карус для живописного пейзажа, сводилась к мысли о

том, что постичь таинственную жизнь природы возможно единственным путем – путем науки. Человек должен научиться видеть природу в ее божественной, сущностной жизни и в ее формах: «постичь *формы природных объектов* не как случайные, необоснованные, лишённые законов, и, значит, бессмысленные, а как данные исконной божественной жизнью, вечно законные и наполненные смыслом»⁶¹. По аналогии с понятием Гумбольдта «физиогномика растений», Карус создал понятие «физиогномика гор» и развивал его на основе геологии и эстетики. Отраженные в пейзаже горы, по его мнению, должны раскрывать свою внутреннюю структуру, а, следовательно, свою историю⁶². История жизни Земли, ее поверхности, растительного мира и атмосферных феноменов, может быть воссоздана, если искусство и наука будут дополнять друг друга, как это произошло в *Воззрениях на природу* Гумбольдта⁶³.

По мнению специалистов, задачи, которые Карус ставил перед живописью пейзажа, выходили за рамки живописи как таковой и не могли быть достигнуты⁶⁴. Как бы там ни было, его эстетико-геологический проект находил созвучие в «Мыслях о географии» Гоголя. Особенно, в его сосредоточении на возможностях географического воображения. Надо полагать, что причиной такого созвучия являются общие для Каруса и Гоголя источники – труды Гумбольдта,

⁵⁶ Мне был доступен только английский перевод книги, см.: Carus 2002.

⁵⁷ См.: Манн 2004, с. 728.

⁵⁸ См.: А. В. Михайлов, «Комментарий», *Эстетика немецких романтиков*, Москва: Искусство, 1987, с. 681–682.

⁵⁹ См.: Bättschmann 2002, p. 36.

⁶⁰ Цит. по: *Там же*, p. 1.

⁶¹ Carus 2002, p. 125.

⁶² См.: *Там же*, с. 128.

⁶³ См.: *Там же*, с. 129.

⁶⁴ См.: Bättschmann 2002, p. 43.

романтическая вера в универсальность художественного познания, интерес к визуальным искусствам, пафос натурфилософии Шеллинга. Вряд ли Гоголю был известен трактат Каруса, полностью опубликованный в 1831 г. Писатель разрабатывал свои идеи самостоятельно, во многом опираясь на собственный опыт пространства и пространственного воображения. Параллельность решений, к которым пришли Карус и Гоголь, показывает высокую степень осведомленности писателя в области современного ему естествознания. Это подтверждают и его замыслы географических сочинений. А. О. Смирнова-Россет вспоминала, что в одной из римских бесед Гоголь говорил о том, что «всегда думал написать географию», в которой «можно было бы видеть, как писать историю»⁶⁵. В 1872 г. ученик Риттера, французский географ, Жан Жак Элизе Реклю стал издавать всеобщую географию под названием *Земля и Люди*. Относящийся к 1833 г. замысел писателя создать труд с таким же названием опережал свое время почти на сорок лет. Гоголь предвидел будущее науки.

Статья «Мысли о географии», как и отдельные географические фрагменты в других статьях писателя, служили Гоголю пробой пера к созданию пейзажей *Вечеров и Миргород*⁶⁶. Интерпретация этих пейзажей в свете географических

идей не входит в задачи данной работы⁶⁷. Тем не менее, уже анализ гоголевских статей позволяет утверждать, что пейзаж, заимствованный географами у литературы конца XVIII – начала XIX вв., в творчестве Гоголя совершал обратное движение – возвращался из географии в литературу, но уже обогащенный опытом географического видения мира и возможностями новых эстетических эффектов.

Анализ географических идей Гоголя показывает, что писатель опирался на передовые идеи и наиболее авторитетные источники географии своего времени. Вразрез с устоявшейся в русской географии оппозицией Гумбольдта и Риттера как представителей двух типов географической науки⁶⁸, Гоголь свободно сочетал идеи и подходы обоих ученых. У Риттера он перенял идею о целом Земли и его метод систематического освоения земного пространства. Чтение сочинений Гумбольдта позволило ему усвоить эстетический элемент географии. В статье «Мысли о географии», как и в других статьях в *Арабесках*, Гоголь отразил новое представление о географии как науке, изучающей отношения земного пространства в его связи с человеческим миром, а, следовательно – о влиянии Земли на жизнь человека. Это представление непосредственно восходило к новейшей для того времени исторической географии Риттера. Таким

⁶⁵ Гоголь в воспоминаниях современников. Под ред. С. Машинского, Москва: Гос. изд-во худ. литературы, 1952, с. 469.

⁶⁶ Например, знаменитый пейзаж степи в повести «Тарас Бульба» можно считать ответом Гоголя на статью Гумбольдта «О степях», напечатанную в 1829 г. в *Московском телеграфе*.

⁶⁷ См. об этом: И. Видугирите, «Гоголь и современная ему география: об одном пейзаже в *Вечерах на хуторе близ Диканьки*», *Гоголевский сборник*. Под ред. В. Г. Щукина, Краков, 2010 (в печати).

⁶⁸ См.: Замятин 1995, с. 141.

образом, Гоголь стал популяризатором идей новой науки в России.

Вместе с тем, Гоголь понимал неограниченные возможности географического воображения в сфере эстетики. Сравнение параграфа о геологии в «Мыслях о географии» с научными статьями по минералогии того времени показывает, что наука и искусство в его представлениях не противоречили друг другу, а

наоборот, служили дополнением и обязательным компонентом друг друга. В этом отношении, «Мысли о географии» Гоголя были созвучны эстетическому трактату о пейзажной живописи Карла Густава Каруса, предполагавшего, что только наука даст новый импульс для развития жанра пейзажа, понимаемого как путь постижения тайн природы.

„DIDINGA IR NUOSTABI GEOGRAFIJOS SRITIS“: NIKOLAJAUS GOGOLIO GEOGRAFINIŲ IDĖJŲ ŠALTINIAI

Inga Vidugirytė

S a n t r a u k a

Tyrimas susieja Gogolio straipsnį „Mintys apie geografiją“ (I redakcija 1830) bei kitus jo rinkinio *Arabeskos* (1835) straipsnius su jo laikmečio geografijos mokslo kontekstu. Analizė leidžia teigti, kas rašytojas buvo susipažinęs su naujausiomis šios srities idėjomis, išskleistomis moderniosios geografijos pradininkų, Aleksandro Humboldto ir Karlo Ritterio, darbuose, kurie iš naujo apibrėžė geografijos objektą – žemės erdvę, suvokiamą kaip gamtos ir žmogaus santykių rezultatas. Gogolio straipsniai rodo, kad jis buvo susipažinęs su išvertais į rusų kalbą Humboldto ir Ritterio darbais ir, priešingai, nei įprasta rusų geografijos tyrinėjimams, nesupriešino abiejų mokslininkų idėjų, bet siekė sintetinio, estetinio ir mokslinio jų derinimo. Rašytojo straipsniai buvo moderniosios geografijos sklaidos priemonė. Ypatingą dėmesį Gogolis skyrė geografinės vaizduotės vaidmeniui.

Paragrafo apie geologiją palyginimas su to meto mineralogijos moksliniais straipsniais rodo, kad mokslą jis suvokė kaip įkvėpimo šaltinį, o meną – kaip žinių perdavimo priemonę. Šiuo požiūriu, Gogolio geografiniai straipsniai yra artimi jo amžininko vokiečio Karlo Gustavo Caruso estetiniam traktatui *Devyni laišakai apie peizažo tapybą* (1831), kuriame teigiama, kad mokslas yra vienintelis kelias, kuriuo turi vystytis menas, jei jis siekia atskleisti amžinas gamtos paslaptis.

Gogolio apsiskaitymas geografijos srityje, kaip ir jo paties geografiniai projektai – straipsniai, planuota knyga apie geografiją, kurioje būtų galima matyti, kaip rašyti istoriją, neįgyvendintas planas sukurti veikalą, pavadinimu *Žemė ir Žmonės*, – skatina atidžiau pažvelgti į geografijos ir geografinės vaizduotės vaidmenį rašytojo grožiniuose tekstuose.

Получено: 2008, сентябрь

Принято: 2008, октябрь

Adres autora:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: Inga.Vidugiryte@flf.vu.lt